

## НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

*11 октября 2005 года состоялось заседание Социологического клуба при Институте социологии НАН Украины, на котором обсуждалась категория “стиль жизни”, ее познавательные возможности в условиях современного украинского общества. Вел заседание Клуба заместитель директора Института социологии НАН Украины, доктор социологических наук Н.Шульга. Предлагаем вниманию читателей выступления участников заседания Клуба.*

### Эвристический потенциал категории “стиль жизни личности”



**НИКОЛАЙ ШУЛЬГА**, доктор социологических наук, профессор,  
заместитель директора Института социологии НАН Украины

Все более острой становится потребность в актуализации классических категорий социологии для анализа современной жизни. Последние полтора десятилетия в науках о человеке и обществе отмечаются тенденции активного ввода в оборот новых категорий и понятий. Часть из них были действительно новыми, остальные уже давно использовались в трудах западных социологов, но не употреблялись отечественными учеными. Такая “несимметричность” внимания к традиционным и современным категориям объясняется желанием расширить теоретический инструментарий науки, привлечь в исследовательское пространство новые понятия. Однако одностороннее увлечение только новейшими понятиями обедняет познавательный потенциал, не способствует ни развитию теории, ни внедрению научных знаний в практику.

В последнее время ощутимо востребованной становится категория “стиль жизни”. В связи с этим имеет смысл сделать определенный “римейк” — ведь эту категорию широко использовали четверть века назад, в том числе и ученые Института социологии. Большинство из них и сейчас активно работают в науке, и для них весьма привлекательно возвращение к устоявшейся категории на новом этапе развития как собственной творческой жизни, так и общественной. Кардинальные преобразования, происходящие в жизни разных слоев населения после смены общественно-политического строя в Украине в начале 90-х годов XX века, коренным образом изменили образ жизни общества, формируя разнообразные новые стили жизни. Для адекватного отражения практики перед теорией стоит задача переосмысления многих исходных постулатов, разработки новых методов исследования, в частности касающихся образа и стиля жизни. Этого требует и такая специфика жизни украинского общества, как сочетание самых современных глобализационных тенденций с реанимацией отживших, архаических способов существования, особенно в селах и малых городках, в результате резкого падения уровня жизни, разрушения инженерной и социально-культурной инфраструктуры. Все это формирует неповторимые стили жизни личности.

Поэтому прежде всего хотелось бы сосредоточить внимание на таких проблемах, как эвристический потенциал категории стиля жизни. Какие грани социальной практики она раскрывает, в чем заключается ее специфика и какие аспекты жизни личности отражает только она? Какие методологические и методические трудности возникают в процессе имплементации этой категории в исследовательскую практику, и в контекст социологического исследования в частности?

Считаю, что прежде всего следует размежевать понятия “образ жизни” и “стиль жизни”, поскольку оба они отражают модели организации жизни личности. Только первый отражает те основы организации жизни, которые являются безусловными

предпосылками социального бытия, выйти из которых личность никак не может. Они ей заданы, навязаны, предопределены. Правда, мы были свидетелями и участниками трансформации образа жизни целого общества, когда резко изменялись основные политические, экономические и социальные основания, которые и были для нескольких поколений безусловными предпосылками социального бытия. Процессы кардинальных общественных преобразований, уплотненных во времени, требуют отдельных исследований. В данном контексте для нас важно отметить то, что произошла системная смена основ организации общественной жизни: произошел переход от государственной формы собственности к частной, от планово-административной формы управления экономикой к рыночной. Меняется общественная легитимация ценностных ориентиров — от однопартийной системы к многопартийной, от коллективизма к индивидуализму. Наиболее ощутимыми стали изменения этих безусловных предпосылок в процессе быстрого и резкого социального расслоения. Полярные образы жизни сейчас фиксируются не столько как результат исследования, анализа, а как очевидная данность.

Социальные предпосылки, детерминирующие образ жизни, могут проявляться не только на макро-, но и на микроуровне, на уровне микроусловий. То есть категория образа жизни отражает жесткие детерминанты жизни личности, ее поведения на всех уровнях. Принципиальные изменения организации жизни на уровне ближайшего окружения личности изменяют не только стиль ее жизни, но и образ жизни. К примеру, переход в крупных городах от системы магазинчиков, расположенных в одном квартале с жильем, к системе супермаркетов, вынесенных за черту города, изменяет и образ жизни человека. Ведь разрушается вся обычная бытовая среда микрорайонов.

Стиль жизни — это та сторона организации жизни личности, где личность проявляет себя через выбор, через свое мировоззрение, свои ценности, идеалы, представления, вкусы и предпочтения, через самоутверждение. В методологическом плане важно выяснить, в каких пределах выбора можно говорить о стиле жизни, а в каких — об образе жизни, где между ними проходит граница, где проявляется свободный выбор личности, а где — заданное обстоятельствами поведение. Хотя и в самом стиле жизни важно различать отражение личностной позиции и конформизм, произвол и оптимально выбранный для данных условий вариант жизнедеятельности и т.п.

Вторгаясь в поле методологии, мы попадаем в круг новых проблем. Дело в том, что методологический плюрализм, господствующий сегодня в социологии, требует более строгой самодисциплины исследователя, нежели три десятилетия тому назад, когда наш коллектив разрабатывал категории “образ жизни” и “стиль жизни”. Имеется в виду, что исследователь должен быть последовательным в соблюдении определенной, выбранной им методологической позиции, уметь выстраивать всю мыслительную цепочку на определенных мировоззренческих основах и научной картине мира. А как свидетельствует нынешняя исследовательская практика, придерживаться этого не просто. Нередко в научных работах присутствует “методологическая каша” — исходные положения базируются на одной теории, часть материала подается по правилам другого подхода, часть — еще на каком-то методологическом принципе.

Эти трудности находят отражение и в теоретическом развертывании обсуждаемых нами категорий. Их надежность, аргументационная база опираются на ряд других научных категорий. В нашем случае это прежде всего касается понятий “жизнь”, “социальная жизнь”, “личность”. Последние, в свою очередь, за эти годы заметно изменились. А их изменения требуют пересмотра категорий образа и стиля жизни. Возьмем категорию “личность”. Как ее понимать? В позитивистском, марксистском, структурно-функционалистском, феноменологическом или постмодернистском ключе? Ведь в каждом из этих подходов личность предстает по-разному. В одном случае — как целостный, иерархизированный будь то объект или же субъект, имеющий устойчивую самоидентичность, некое ядро, которое разворачивается, изменяется, оставаясь в главном тождественным самому себе; в другом — как объ-

ект/субъект фрагментарный, плоскостно-раздробленный, разорванный во времени, действующий по принципу “стимул–реакция”. Скажем, сегодня кто-то представляет личность как продукт социализации, имеющий необходимый уровень самодостаточности, как социально-психологическую целостность, разворачивающуюся во времени, ответственную перед собой и обществом за свои поступки, действия на всем жизненном пути, а другие (в частности постмодернисты) — как некую пустую форму, с которой происходит бесконечная серия социальных и морально-психологических изменений, как продукт общественных манипуляций. Без определенности в этом вопросе мы постоянно будем сталкиваться со сложностями по всему контексту исследования стиля жизни личности.

Аналогичные вопросы возникают и в отношении понятия “социальная жизнь личности”. Как его толковать? Что это — целостная последовательность событий, организованных личностью при определенных внешних обстоятельствах, в которых оказывается личность, имеющая собственное отношение к ним, занимающая определенную позицию в них, или же это набор последовательных во времени сюжетов с участием конкретного субъекта, который безответствен перед собой и обществом и единство которого поддерживается только его телесной оболочкой и именем?

Не менее значимой методологической проблемой в изучении стиля жизни является проблема качества жизни. Дело в том, что большая часть населения нашей страны попала в такую полосу жизни, когда его материальный ресурс не может обеспечить полноценного функционирования во всех сферах — в быту, образовании, здравоохранении, культуре, отдыхе и др. Этот крайне низкий жизненный ресурс обуславливает специфический образ жизнедеятельности личности, который сводится к выживанию. В условиях дефицита жизненных ресурсов человек концентрирует имеющийся у него потенциал на удовлетворении непосредственных, базовых потребностей — в пище, одежде, определенных жилищных условиях, и отказывается от остальных. То есть он не может, не имеет возможности удовлетворять другие потребности, в первую очередь культурные, досуговые, креативные, познавательные, потребности в полноценном поддержании и восстановлении здоровья.

Человек в таких условиях организует свою жизнь как ожидание: сей момент добиться элементарного воспроизводства жизни, а потом уже можно будет полноценно развиваться. Выживание — это откладывание удовлетворения своих потребностей, важных поступков, действий на будущее. Жизнь как будто консервируется, она упрощается, из многогранной превращается в плоскостную. Выживание как образ жизни в конечном счете можно определить как организацию жизни личности при крайне ограниченных ресурсах, когда все формы активности направлены на самосохранение.

В ситуации выживания собственно о стиле жизни можно говорить лишь условно, поскольку у личности резко уменьшаются возможности выбора. А в условиях бедности, нищеты можно говорить в строгом смысле об индивидуализации приспособления, о вариантах, типах адаптации к бедности. Такую диверсификацию жизни людей можно назвать стилями выживания.

Правда, следует отметить специфическую бедность нашего населения. Это бедность высокообразованных, культурно развитых людей. Она отличается от бедности людей в развивающихся странах. У наших людей развиты духовные, культурные, познавательные и другие личностные потребности. Такое сочетание — высокий уровень образованности и низкий жизненный уровень, бедность — порождает специфические стили поведения людей. Здесь формируются стили выживания, принципиально отличающиеся от стилей поведения населения бедных стран с низким уровнем образования.

Очевидно, разрабатывая тему стиля жизни личности, нам необходимо описать, исследовать эти отличия и специфику, присущую именно стилю выживания наших людей, с учетом их исторических и культурных особенностей. Не менее важной задачей является осмысление этапа выхода населения из состояния выживания. По-

скольку в нашей стране системный кризис и как его следствие выживание приобрели затяжной характер, они формируют соответствующие устойчивые установки, эмоциональные состояния и формы поведения. Прежде всего над людьми тяготееет страх перед будущим. И даже когда жизнь начинает улучшаться, страхи продолжают детерминировать поведение людей. У них притупляется ощущение адекватной оценки социальной ситуации, а значит, усложняется переход к другим, более содержательно наполненным и благополучным стилям жизни.

Итак, возможности стилового разнообразия жизни личности зависят от уровня ее жизни и демократичности условий существования. Чем выше уровень жизни, чем демократичнее общество, тем лучшие условия в нем складываются для развертывания многообразия стилей жизни, являющихся отражением процессов самоутверждения и самореализации личностей. Хотя эти условия еще не служат гарантией содержательной наполненности стилей жизни.

Мы являемся свидетелями распространения примитивных стилей жизни, которые оказываются результатом агрессивных рекламных атак, формой, удобной для утверждения потребительства (за которым стоят транснациональные компании, расширяющие свои рынки). Эти стили жизни не самостоятельны, это подражание моделям. Модели создаются как виртуальные образы, как бренды. На модель ориентируются, ее манифестируют в качестве референтного образа поведения. Он образуется не как результат личностной уникальности — характера, особенностей внутреннего мира, ценностной системы, а как внешне привлекательный образ, которому хотела бы соответствовать личность. Причем ее желание тоже, в принципе, не является ее собственным, оно навязано ей извне — через СМИ, рекламу. Таким образом, желание казаться кем-то, демонстрация набора определенных личностных качеств, демонстративное проявление отдельных внутренних черт, подчиненное конкретному образцу, по сути, являются не непосредственным индивидуальным поведением, а стилизацией поведения.

Разумеется, можно возразить, утверждая, что в современном обществе практически все виды поведения личности стилизованы, ведь они все в большей мере детерминируются модой, а значит, такая позиция ставит под сомнение существование самого феномена стиля жизни, раз существует только стилизация.

В какой-то степени это так, однако люди отличаются именно степенью стилизации своего поведения. Эта степень раскрывается категориями “быть” и “казаться”. Стилизованным поведением можно назвать такое поведение личности, в котором преобладает желание казаться кем-то и которое разворачивается под давлением некой внешней схемы, коей оно должно соответствовать. В свою очередь, аутентичным поведением является поведение, в котором личность раскрывает свои внутренние ценности, самореализуется на основе выработанных ею лично представлений о должном. Это поведение, которое человек ощущает и переживает как внутреннюю свободу.

## Возможные направления исследования жизненного пути



**ИГОРЬ МАРТЫНЮК**, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Действительно, в известном смысле обращение к проблеме жизненного пути может, по аналогии с киноискусством, рассматриваться как римэйк. Накануне заседания нашего Круглого стола я просмотрел вышедшую около четверти века назад коллективную монографию, посвященную исследованию жизненного пути личности, и могу, поскольку лично участия в ней не принимал, искренне выразить восхищение этой весьма добротной написанной работой. В упомянутой монографии охватывается широкий круг методологических и теоретических вопросов, с которыми сталкивается каждый, кто обращается к изучению проблематики жизненного пути.

В частности, в книге правомерно отмечена тесная связь стиля и образа жизни: личность, которую можно рассматривать и как элемент социальной структуры, и как микроструктуру со своим внутренним миром, выступает в первом случае как носитель присущего данному историческому хронотопу образа жизни, во втором — как субъект индивидуального стиля жизни. Здесь акцент ставится на социально-психологической составляющей образа жизни; при этом исследователи, указывая на зависимость стиля жизни от истории и культуры, обоснованно говорят о возрастании по мере развития общества степеней свободы, многообразия жизненных стилей. Помимо анализа теоретических вопросов, касающихся соотношения в стиле жизни коллективного и индивидуального компонентов, предложена система показателей стиля жизни, дифференцирующая реальное, вербальное и нормативное поведение, основанная на предпочтениях в выборе видов деятельности, их удельном весе в личном временном бюджете, на манере исполнения ролевых функций. Самым качественным образом проанализирована жизнетворческая сторона выбора и осуществления определенного стиля жизни: данная категория концептуально вплетена в систему таких понятий, как “жизненная программа личности”, “жизненные планы”, “активная жизненная позиция”, “жизненное кредо”, “жизненные цели” и т.п. В книге раскрыты не только культурно-исторические, но и пространственно-временные параметры формирования индивидуального стиля жизни, определены главенствующие условия и факторы протекания данного процесса.

Конечно, монография не лишена определенного идеологического налета в виде марксистских догм и “обязательного” набора цитат. Но если оставить без внимания эту дань научному стилю той эпохи, то вырисовывается крепкий теоретический и методологический каркас, на котором может быть построена многомерная модель характеристик жизнедеятельности, определяющих в совокупности особенности стиля жизни индивида.

Значит ли все сказанное, что теоретический поиск в этой области завершен и возврат к данной проблеме должен происходить главным образом путем применения наработанных теоретических схем к изменившимся общественным реалиям?

Разумеется, нет. При всей тщательности проделанной четверть века назад исследовательской работы ряд аспектов проблемы остались вне поля зрения.

Во-первых, следует, на мой взгляд, активизировать движение “вглубь” проблемы. В данном случае подразумевается то, что если на уровне личности стилевые характеристики изучены достаточно подробно — как целостная система черт жизнедеятельности, проявляющаяся в отношении к другим людям, обществу, труду, быту, досугу и основанная на определенных нравственных критериях, системе ценностей, в конечном итоге — смысле жизни, то более глубокая индивидуализация, связанная с психическими и психосоматическими особенностями, остается пока относительно сложным и трудноосуществимым делом. Между тем именно здесь кроются существенные возможности конкретизации научного поиска, соединения его с практикой социализации и воспитания. Так, на уровне социально-психологического познания немалые перспективы связаны с ценностно-мотивационным ядром личности, принятием или имитацией принятия социальных ролей — выработкой социальных масок, мимикрии и т.п. Психологический уровень, за счет которого можно глубже проникнуть в архитектонику индивидуального стиля жизни — это прежде всего характер и волевые качества индивида. Наконец, известное выражение “человек — это стиль” наталкивает нас на необходимость рассмотрения ряда антропологических, психофизиологических, и наконец, просто физиологических факторов индивидуализации образа и стиля жизни. И дело не только в половозрастных особенностях того или иного субъекта, и даже не в состоянии здоровья, но и в биологически обусловленных особенностях поведения — например, склонности к риску.

Во-вторых, анализируя стиль жизни как своеобразие взаимодействия индивида с окружающим миром, следует сконцентрировать внимание не столько на субъект-объектных отношениях, то есть условиях жизнедеятельности, сколько на отно-

шениях субъект-субъектных, например, общении, референтных группах и т.д. Насколько мне известно, в качестве самостоятельного не затрагивался вопрос тиражирования и даже навязывания определенных стилей жизни через СМИ, хотя об их роли в промывании мозгов и распространении массовой культуры написано достаточно. Любопытно было бы также “повертеть” проблему стиля в связке с проблемой субкультур; заслуживает внимания и соотнесение стиля жизни с бессознательными архетипами (на уровне индивида) и с менталитетом народа, нации (на уровне личностной типологии).

В-третьих, перспективным представляется поиск закономерностей трансформации стиля жизни одной и той же личности на различных этапах жизненного пути. Здесь, в первую очередь, применимы лонгитюдные исследования, но возможно продуктивное использование и других, например биографических, методов из арсенала биодромальной психологии.

Практически “белым пятном” остается стиль жизни в условиях конфликта (на макро-, микро- и внутриличностном уровнях), жизненных коллизий, экстремальных ситуаций. Все это направление можно условно назвать *динамикой* стиля жизни, и оно представляется одновременно и наиболее сложным, и наиболее плодотворным.

Как видим, будущим исследователям стиля жизни предстоит не только, образно говоря, воздвигать уже окультуренную научную ниву, но и распахать немало научной целины. Остается пожелать им в этой нелегкой работе удачи.

## Становление и развитие понятия “стиль жизни” в западной социологии



**СЕРГЕЙ ПАНЧЕНКО**, аспирант Института социологии НАН Украины

Одной из важнейших характеристик любого общества является то, как живут люди этого общества: как они питаются, одеваются, чем занимаются. Многие социальные революции совершались ради улучшения жизни людей, преодоления неравенства. Однако в любом обществе не только всегда существуют богатые и бедные, но и проявляются определенные, характерные для них взаимосвязанные способы поведения. Так, было замечено, что более образованные и зажиточные слои общества предпочитают шампанское, гольф и оперу, а рабочие — пиво, футбол и популярную музыку. Как и почему происходит формирование таких весьма устойчивых структур поведения, как раз и призвана ответить концепция стиля жизни. Заметим, что исследование понятия “стиль жизни”, его места в системе жизнедеятельности личности активно проводились как за рубежом, так и в СССР. Конец XX века ознаменовался распадом СССР и образованием нового государства на политической карте мира — Украины. Поэтому формирование стиля жизни личности в соответствии с демократическими принципами, на которых утверждается украинское общество, и требованиями гуманистических ценностей общечеловеческой культуры — важная задача и значимый аспект социального и духовного реформаторства и нравственного воспитания в нашем молодом государстве. По моему мнению, теоретические и практические результаты исследований стилей жизни в западной социологической науке целесообразно учитывать при изучении стилей жизни современного украинского общества.

Концепция “стиль жизни” имеет длительную историю развития в мировой социальной науке. Однако определения понятия стиля жизни весьма разнообразны. Более того, во многих работах, где речь идет о стиле жизни, используются разные термины для обозначения самого понятия. Довольно долго понятие “стиль жизни” употребляли в тесной взаимосвязи с понятием “образ жизни”. Когда и кем впервые был использован термин “стиль жизни”, однозначной информации нет. Но уже более 200 лет назад французский натуралист и писатель Георг Луи де Буффон (1707–1788) писал, что “стиль — это сам человек”, а за 150 лет до Буффона английский философ Роберт

Бертон констатировал: “Несомненно, наш стиль выдает нас”. Но, как справедливо отмечает А.Адлер, “до недавнего времени термин “стиль жизни” использовали в основном поэты, чтобы показать индивидуальную жизнь, деятельность и смерть как единое целое в тесной связи с целью жизни данного индивида”.

Проблематика образа и стиля жизни исследуется уже в классической социологии. Так, в трудах К.Маркса образ жизни трактуется как образ жизнедеятельности личности, социальных групп и общества в целом, проходящей в конкретно-исторической системе общественных отношений и в соответствии с нормами и ценностями, которые отражают эти отношения. На арене истории, по мнению К.Маркса, конкретно-исторический человек действует как часть целого — той или иной общественной системы, нации, народности, как член конкретной социальной группы — класса, партии, организации. Образ жизни при таком подходе выступает как отражение социального в индивидуальном. Стиль жизни, в свою очередь, можно толковать как индивидуальное проявление социального. То есть можно сделать вывод, что стиль жизни К.Маркс понимал как характеристику того, как индивид организует и осуществляет характерными для него способами свою жизнь, как целостную систему устойчивых черт жизнедеятельности, формирующуюся на основе индивидуальных потребностей и способностей и проявляющуюся в процессе реализации жизненных целей и планов личности.

Г.Зиммель рассматривает вопрос стилежизненной дифференциации в рамках своей “формальной социологии”. Критерий образа жизни и его разнообразные стилевые воплощения служат основанием для выделения групп, которые он персонифицирует в “социальных типах”: аристократ, авантюрист, нищий, кокетка и др. Он фактически впервые озвучивает проблему социального характера в связи с системой социальной стратификации, которая нашла предметное развитие в трудах Э.Фромма, Г.Маркузе, Г.Гейта, и решает ее в терминах социально типичных стилей жизни. Зиммель доказывает, что интеллектуализация и рационализация культурной жизни по своим социальным функциям тождественны “рынковизации” жизни хозяйственной. Поэтому через функционирование денег и повышение уровня интеллектуальной культуры создается “объективный стиль жизни”, в котором нейтрализуется первобытная импульсивность мотиваций человеческого поведения.

В определенной степени в этом направлении движется и М.Вебер, для которого стиль жизни становится предметом исследования в связи с его классовой концепцией. Согласно его концепции, статусные группы стратифицированы именно по личным принципам потребления благ, выраженным в образе жизни, в отличие от классов, стратифицированных по уровню экономического состояния. По мнению Вебера, статусная позиция определяется уровнем социального уважения и находится в сфере распределения престижа, а статусный престиж выражается прежде всего в том, что от каждого, кто претендует на принадлежность к данному кругу лиц, ожидают особого образа и стиля жизни.

Роль стиля жизни в статусном престиже заключается в формировании определенных условностей, или символов, которые должны демонстрироваться для того, чтобы достичь полной стилизации жизни, создающей статусную группу и сохраняющей ее. Таким образом, по отношению к статусной группе определенный стиль жизни выступает как: 1) системообразующее начало; 2) символ принадлежности к группе и идентификации с ней; 3) элемент, обеспечивающий групповую стабильность в течение определенного времени; 4) фактор отличия от других групп. По отношению ко множеству индивидуальных практик стиль жизни выступает как то общее и повторяющееся, что позволяет отнести конкретного агента (семью или человека) к одной из множества социальных групп.

К концепции стиля жизни обращались также Т.Веблен, В.Уорнер и О.Гоффлер. К примеру, Т.Веблен и В.Уорнер и в какой-то степени М.Вебер связывали стиль жизни людей с принадлежностью к определенному классу в обществе, к тому или иному социальному слою. Эта принадлежность людей к конкретному социальному

слою формирует у них определенную манеру общения с другими, их образ потребления, стиль одежды, форму досуга. Стиль жизни в концепциях Т.Веблена и В.Уорнера представляет собой механизм, не позволяющий нарушать барьеры между социальными слоями и благодаря этому выступает средством поддержания социального равновесия в обществе. Веблен акцентировал внимание на том, как богатство перевоплощается в зримые, демонстративные символы экономического успеха, и этот процесс он называет “демонстративным потреблением”. По мнению О.Тоффлера, автора книги “Future shock”, главное, что было характерно для периода научно-технической революции, это огромное разнообразие стилей жизни. Ученый связывает существование в обществе разных стилей жизни не с делением общества на классы, группы и социальные слои, а с делением культуры на субкультуры. Потому-то людям очень сложно сориентироваться в этом многообразии субкультур и создать свой стиль жизни, что приводит к массовому неврозу среди индивидов.

Но несмотря на то, что Т.Веблен, М.Вебер и В.Уорнер связывают формирование стиля жизни с делением общества на слои, а О.Тоффлер — с наличием в нем разных субкультур, и в том, и в другом случае стиль жизни — один из важнейших элементов, способствующих, по их мнению, образованию этих социальных страт (классов, групп) и субкультур и их воспроизводству в капиталистическом обществе. В то же время стиль жизни, в понимании этих ученых, является серьезным препятствием для перехода людей из одной социальной группы в другую, от одной субкультуры к другой.

Концепцию стиля жизни мы находим и в социальной психологии А.Адлера. Стиль жизни он соотносит с индивидом. При этом стиль жизни означает решительность, целеустремленность, целостность, постоянство и уникальность индивида и, в конечном счете, субъективную детерминацию его действий. По мнению А.Адлера, при рассмотрении структуры личности основные трудности заключаются в том, что ее целостность, ее специфический стиль жизни строится не на объективной реальности, а на субъективном мнении, формирующемся у личности на основе жизненных фактов. Хотя Адлер подчеркивал уникальность стиля жизни, присущего каждому отдельному индивиду, он признавал также и наличие общих черт между людьми. Каждый человек отличается от других образом жизни, но существующие в обществе ограничения создают общую для всех основу жизнедеятельности и так или иначе влияют на формирование стиля жизни индивида, отмечал Адлер. Концепцию стиля жизни в зарубежной социально-психологической литературе использовал не только А.Адлер. Эту проблематику исследовал в своих работах и Г.Олпорт. Рассмотрев концепции Адлера и Олпорта и сравнив их, можно прийти к выводу, что, несмотря на незначительные расхождения в определении понятия “стиль”, эти авторы представляют стиль жизни как некую устойчивую систему отличительных характеристик деятельности личности, определяющихся субъективно-личностными качествами человека.

Проблематика стиля занимает определенное место и в концепциях постиндустриального общества Дж.Гелбрейта, Д.Белла, У.Ростоу, Ж.Фурастье, хотя они в основном рассматривают вопрос “качества жизни”, “порядка жизни” и “потребления”. Например, Д.Белл, анализируя принцип “равенства возможностей” в контексте концепции общества “высокого качества жизни”, отмечает, что этот принцип действительно является центральной ценностной проблемой постиндустриального общества. Ученый подчеркивает, что равенство возможностей для достижения личного успеха в жизни не зависит от социально-классового деления в обществе, а определяется индивидуальными способностями участников “справедливых соревнований” с целью получения собственности, статуса, влияния, престижа. В целом общество “высокого качества жизни” представляется автору как новая ступень в развитии “цивилизации досуга”, в рамках которой главную проблему социальной деятельности составляет “индустрия услуг”. Если же сравнить основы концепций “потребительства” и “качества жизни”, можно сделать вывод, что и в тех, и в других

главной сферой жизнедеятельности личности выступает сфера потребления, различие состоит лишь во взглядах на структуру и направленность самого потребления. Что касается проблематики стиля жизни в этих концепциях, то здесь следует отметить, что имидж успешного человека сам по себе — чрезвычайно привлекательная ценность в пределах такого общества, что принуждает индивида формировать свой стиль жизни в соответствии с данным стереотипом, мотивационным ядром которого является “потребность в потреблении”.

Новое звучание рассматриваемому понятию придал П.Бурдьё, определяя стиль жизни через два других понятия — социальное пространство и габитус. Согласно его концепции, “стиль жизни” — это структурированная система позиций социального пространства, которые занимает индивид, принадлежащий к определенной группе (классу), а также его представления об этих объективных позициях, которые, в свою очередь, определяются свойственными индивидам практиками, то есть видами деятельности и используемыми вещами. И особое место в этой системе принадлежит вкусу — системе схем восприятия и оценки своих и чужих практик.

При таком теоретическом подходе класс или социальная группа понимается как совокупность агентов со схожими позициями. Объяснить и планировать практики и свойства агентов позволяет поведение, обуславливающее объединение в социальную группу. Таким образом, *стиль жизни* — это система повторяемых в повседневном поведении практик, определяющих место человека в социальном пространстве. К стилю жизни относятся практики в разнообразных полях социального пространства, таких как потребление и досуг, работа и доходы, здоровье, участие в политике и религии и т.п. Определить стиль жизни — означает дифференцировать людей на группы, различающиеся набором присущих им практик в каждом поле.

Согласно концепции П.Бурдьё, различия в стиле жизни обусловлены объемами и соотношением экономического и культурного капиталов агентов. Анализируя эмпирические данные, он размещал классы в социальном пространстве в координатах общего объема капитала и соотношения в нем экономической и культурной составляющих, соотнося социальные страты с соответствующими практиками и стилями жизни.

Наряду с интерпретациями П.Бурдьё, в которых понятие стиля жизни помогало расширить рамки классового подхода в объяснении характера властных отношений и вводило в контекст социальной стратификации понятия преемственности образовательных и культурных ресурсов и культурного капитала, в наше время развиваются другие содержательные идеи. Примером аналитического определения стиля жизни путем выявления его структурных компонентов могут служить идеи Ганса-Пауля Мюллера, считающего, что стиль жизни характеризуется целым рядом формальных признаков: целостностью, добровольностью, характерностью и стилизацией.

1. *Целостность* означает, что жизненный стиль личности и группы определяет, в большей или меньшей степени, все их жизненные проявления. Это создает целостный образ (гештальт) личности и группы, который можно воссоздать даже на основе мелких деталей.
2. *Добровольность*. В случае жизненного или культурного стиля у индивида всегда есть выбор, который и отличает стиль от традиции или канона. Практикуя какой-либо стиль, индивид свободен в принятии или отказе от того или иного культурного выбора.
3. *Характерность* — это момент своеобразия, придающий жизненному стилю легко идентифицируемый и безошибочно узнаваемый вид.
4. *Распределение шансов стилизации*, то есть масштаб возможностей стилизации, имеющихся в конкретном обществе, зависит от многих факторов, в первую очередь от его ценностей и нормативной системы, а также от уровня жизни и материального благосостояния граждан.

Таким образом, по Мюллеру, стиль жизни является внешним выражением, практическим воплощением основных ценностей личности, тактическим проявлением ее стратегических представлений.

В целом все определения понятия “стиль жизни” в зарубежной научной литературе можно классифицировать на группы по следующим признакам:

1. По субъекту стиля жизни: а) стиль жизни отдельного индивида; б) стиль жизни групп, члены которых находятся в социально-психологических отношениях друг с другом; в) стиль жизни класса или категории людей, связанных только тем общим категориальным признаком, на основании которого их относят именно к данному классу.
2. По соотношению понятия “стиль жизни” с другими категориями, например “образом жизни”. В случае трактования “стиля жизни” через “образ жизни”: а) “стиль жизни” отождествляется с образом жизни. Хотя эта точка зрения представляется неправомерной, поскольку один из терминов вполне можно изъять; б) “стиль жизни” рассматривают как понятие более узкое, чем “образ жизни”; в) “стиль жизни” размежевывают с “образом жизни”. “Стиль жизни” рассматривается здесь как показатель социально-классовых размежеваний в обществе.

В последнее время концепция стиля жизни становится одной из центральных тем в работах западных ученых по проблемам поведения потребителей, форм досуга индивидов и критериев стиля жизни, соответствующего статусу человека в социальной структуре общества. При этом делается все, чтобы привить человеку потребность в соблюдении конкретного стиля жизни, чтобы потребность эта у него доминировала, а достижения и неудачи на этом пути он рассматривал как основные ключевые моменты в своей жизнедеятельности. С этой целью осуществляются многочисленные исследования стилей поведения потребителей и проведения досуга (индивидуального и семейного). Изучают, например, стили потребления женщинами губной помады, мотивы покупок, зависимость их от образа жизни, демографических признаков и т.п. В свое время У.Уэллс и С.Костас отмечали, что одной из причин обращения к концепциям “стиля жизни” стала потребность в конструировании “профилей” стиля жизни. Сегодня концепции стиля жизни тесно переплетаются с маркетинговыми исследованиями. Отметим также, что в последнее время появилась тенденция рассматривать динамику стиля жизни скорее в контексте культурных, чем социальных трансформаций.

## Стиль жизни и социальные типы личности



**ЕЛЕНА ЗЛОБИНА**, доктор социологических наук, заведующая отделом социальной психологии Института социологии НАН Украины

Хотя современные исследования стиля жизни во многом нацелены на выявление типичных поведенческих моделей, чему посвящены многочисленные практические проекты по изучению стилей потребления, считаю, важно рассмотреть другие подходы к анализу стиля жизни. В частности дискуссия относительно эвристического потенциала этой категории должна, по моему, затронуть проблему связи “стиля жизни” и “социального типа личности”.

Теоретически проблему стиля жизни в свое время поднимал А.Адлер именно в плоскости внутренних детерминант, которые определяют типичные поведенческие модели человека. Фактически для Адлера формирование личности и становление определенного стиля жизни является общим процессом. Поэтому, изучая стили, можно обращаться к типичным групповым моделям, можно рассматривать направляющие влияния внешних социальных обстоятельств, а можно определять особенности, связанные с личностными вкладами в продуцирование типичных моделей

поведения. Уместно вспомнить тут близкое к понятию “стиль жизни” понятие “габитус” П.Бурдьё, в смысле структуры, одновременно являющейся и структурированной, и структурообразующей, а следовательно, образующейся в результате взаимодействия внешнего и внутреннего.

Чтобы проиллюстрировать этот тезис, обратимся к результатам всеукраинского опроса, в котором была использована методика исследования ценностных ориентаций Ш.Шварца. Ему принадлежит идея структурирования кросс-культурного ценностного пространства по двум осям: “открытость изменениям — консерватизм” и “альтруизм — эгоизм”. В пространстве этих осей расположены 10 базовых ценностных ориентаций: творчество, разнообразие, гедонизм, достижения, власть, защищенность, традиции, принятие, великодушие и универсализм. Это пространство, по мнению Шварца, универсальное, и в его пределах можно сравнивать любые культуры.

В перечень шкал, на основе которых измеряются ценности в методике Шварца, входят: “коллективизм — индивидуализм”; мастерство как стремление к высокому качеству и повышению квалификации, активности и в то же время гармония мира, в котором все прекрасно, а значит, ничего не нужно менять, ничего не нужно добиваться; иерархия и порядок, с одной стороны, равенство и свобода — с другой и т.п. Мы используем полученные данные не для анализа самих ценностных приоритетов, а как основу для дифференциации определенных социальных типов личности. Сама постановка вопросов, когда респонденту нужно определить, насколько люди с разными приоритетами похожи или не похожи на него, позволяет использовать полученные результаты как показатель самоотнесения себя людьми к тому или иному социальному типу.

Очевидно, такие ключевые признаки, как открытость изменениям и консерватизм, могут быть положены в основу условного деления на типы инноватора и традиционалиста. Сравнивая их поведенческие приоритеты в разных сферах, можно увидеть как заметные различия, так и немалое сходство. Скажем, не зафиксировано никаких различий в потреблении теле- и радиопроодукции или в чтении газет, значит, можно говорить о сходстве культурного потребления этих типов. Вместе с тем весьма заметные различия наблюдаются в пользовании сетью Интернет. Люди, констатирующие собственную близость к типу, для которого “важно придумывать новые идеи и быть творческим человеком”, демонстрируют большую активность: среди тех, кто пользуется Интернетом, их 67,4%, а среди тех, кто считает себя не похожим на этот тип, таких 32,6% (по выборке в целом соотношение этих групп составляет 45,5% против 54,5%).

Безусловно, этот пример скорее не доказательный, а иллюстративный. Однако сам принцип сочетания в исследовании определения типа личности с выявлением стилевых характеристик поведения оказывается достаточно плодотворным. Аналогичная тенденция фиксируется и среди тех, кто считает себя близким к типу искателя приключений, и тех, кому “нравится быть свободным и независимым”. Все эти типы демонстрируют схожие модели адаптации к окружению. Если вспомнить типологию В.Томаса и Ф.Знанецкого, то перед нами типы с заметным преобладанием одного из “универсальных желаний” — стремления к новому опыту. Именно на основе такой ориентации формируется социально-эффективный тип, который ищет новые ситуации с целью расширения контроля над средой. Этот тип демонстрирует особый механизм адаптации — приспособления через активность, определяющуюся доминированием желания “нового опыта”.

Различие между инноватором и традиционалистом прослеживается, безусловно, не только в плане пользования Интернетом, но и во многих других сферах. Так, если обратиться к общим оценкам, увидим, что инноваторы по сравнению с традиционалистами чувствуют себя более счастливыми и лучше оценивают состояние своего здоровья. Однако, по нашему мнению, важен скорее не поиск конкретных различий, а определенные теоретические выводы из приведенных наблюдений. Прежде всего речь идет о необходимости формирования комбинированных исследовательских

стратегий, сочетающих типологизацию не только поведенческих моделей, но и личностных характеристик. Видимо, сама по себе такая постановка вопроса не дает ответа о причинных связях исследуемых явлений. Можно, наверное, попытаться построить и тип личности, исходя из анализа стиля жизни, и стиль жизни, исходя из анализа типа личности. Но сам принцип объединения в исследованиях стиля жизни внутриличностных, поведенческих детерминант и детерминант среды должен быть определяющим при формировании соответствующих исследовательских программ.

## Стиль жизни личности как отражения субъективной реальности



**НАТАЛЬЯ СОБОЛЕВА**, доктор социологических наук, старший научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Сегодня наблюдаются важные изменения в научных приоритетах при изучении общественных процессов. В частности, развитие социологии происходит благодаря все более глубокому проникновению в ткань повседневной жизни, сочетанию исторических закономерностей развития с микросоциальными механизмами и тенденциями, долгое время остававшимися латентными на фоне масштабных общественных сдвигов, однако в действительности играющими в них едва ли не решающую роль. Общество в целом и отдельный индивид в частности сегодня стоят перед проблемой, от решения которой существенно зависят темпы социального прогресса, ценности и духовные принципы будущего. Эта проблема заключается в необходимости выработать новые социальные технологии, делающие возможным не просто приспособление и адаптацию человека к новым условиям жизни с минимальными духовно-личностными потерями, но и обретение новых точек опоры в жизни, которые обеспечивают наиболее полную самореализацию достойным человеком образом, без нарушений прав личности и насилия над ее духовным миром.

Традиционное понимание общества как среды жизни личности, которая в процессе социализации обеспечивает адаптацию индивида к условиям определенного исторического хронотопа, не утратило актуальности. В обществе личность взаимодействует с другими индивидами; характер этого взаимодействия зависит от объективных общественных отношений, постоянно воспроизводящихся в социальной практике независимо от наших намерений. Однако было бы неправильно односторонне объяснять детерминированность поведения людей сугубо объективными факторами. Личность — это не только продукт общественных отношений. Освоение норм и ценностей накопленного общественного опыта она осуществляет всякий раз в специфической индивидуальной форме, в зависимости от собственного творческого потенциала. В ходе взаимодействия с социумом личность является не только объектом социального влияния, она активно раскрывает свои жизненные силы, внутренний мир, оказывает обратное влияние на общество в соответствии со своими ценностями, установками, ожиданиями, верованиями, убеждениями. Именно такое неповторимое по содержанию, конфигурации, динамике формирования сочетание объективного и субъективного начал является первоисточником возникновения жизненного стиля личности, несущего на себе отражение индивидуально неповторимого сочетания внешнего и внутреннего миров.

Жизненный стиль личности и как научная категория, и как феномен социального поведения находится в неразрывной связи с таким явлением (и категорией), как “другая”, “субъективная” реальность, конструируемая субъектом как на сознательном, так и на бессознательном уровне, и выступающая одновременно реальным фактором восприятия окружающего мира и превращения его в “жизненный мир”. По нашему определению, субъективная реальность представляет собой целостную и относительно устойчивую систему образно-смысловых конструктов, исходя из которой субъект формирует собственные представления о социальной реальности в

рамках совместных действий с другими субъектами в континууме объективного мира. Такая система образно-смысловых конструктов весьма устойчива, однако может трансформироваться в результате переживания и осмысления новой информации, полученной субъектом в ходе его жизнедеятельности.

Субъективная реальность является составляющей социальной реальности и вместе с объективной и интересубъективной реальностями образует ее структуру. В свою очередь, субъективную реальность можно дифференцировать еще на два модуса существования: рациональный и иррациональный. Субъективная рациональность объединяет осмысленные, целенаправленные, ориентированные на общие действия индивидов, которые выражают их логически взвешенную позицию. Субъективная иррациональность выражает такой тип индивидуального сознания и поведения, который связан с автоматическим, невольным реагированием личности на конкретные текущие ситуации. Стиль жизни личности — это, по сути, результат, проявление функционирования определенной субъективной реальности, то сложное образование, которое объединяет как рациональные, так и иррациональные компоненты. Заметим, однако, что в процессе выработки, кристаллизации у личности собственного стиля жизни происходит постепенное смещение в сторону иррационального компонента. Ставя сознательные цели, стремясь достичь их в реальной деятельности, человек невольно закрепляет в подсознании наиболее удобные и наиболее эффективные для него способы действий и затем использует их как универсальные, сталкиваясь с другими жизненными ситуациями, что и приводит в конечном счете к определенному стилю жизни.

Исходя из этих соображений, главной задачей современной социологии и социальной педагогики следует признать создание новейших социальных технологий развития и саморазвития личности, благодаря которым можно расширить ее творческие возможности, стимулировать личную ответственность за происходящее, в том числе и за осуществление собственной жизни; превращение личности в субъект деятельности, который реально принимает решения, действует сообразно выработанным ценностям, обретая тем самым индивидуально неповторимый стиль жизни. Словом, речь идет о выработке таких механизмов саморазвития, которые бы позволяли личности творить собственную судьбу посредством напряжения воли, самореализации в труде и общении, выбирать широкий спектр социальных ролей и реализовывать их в собственном стиле.

### **Новые стили жизни как источник латентной легитимации рыночного общества**



**АЛЕКСАНДР РЕЗНИК**, кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Разрушение политических, экономических и социально-культурных институтов привело к глубинным социально-психологическим изменениям в сознании населения Украины. Падение уровня и качества жизни, экономической хаос вынудили население радикально изменить собственное поведение, сосредоточившись прежде всего на выживании. В течение 1990-х годов адаптационные практики стали наиболее распространенными. Вместе с тем двойная институционализация, при которой мирно сосуществуют старые и новые социальные институты, не способствует окончательному утверждению ценностно-нормативной системы рыночного общества. Исследования общественного мнения последних лет свидетельствуют о низкой поддержке рыночных преобразований. И все же медленное “перетекание” людей в частную сферу демонстрирует объективное формирование организационных структур рыночной экономики. Возникает вопрос, что является источником легитимации такого общества? Ведь понятие легитимности, вытекающее из классической теории М.Вебе-

ра, понимается как “рационально-правовое” обоснование “веры” в законность установленных правил. Отсюда массовая поддержка не означает автоматической легитимности, а значит, аспекты легитимности следует обсуждать даже при полном отсутствии массовой поддержки. Ключевым аспектом в понимании легитимности М.Вебером является отсутствие “приемлемой альтернативы”. Обращение к категории “стиль жизни”, возможно, позволит рассмотреть процесс легитимации и социальной стратификации через поведенческие практики населения Украины.

Стиль жизни определяют как относительно стабильную форму организации повседневной жизни в рамках структуры заданной жизненной ситуации с учетом доступных ресурсов. Для понимания стиля жизни социального субъекта первоочередное значение имеет изучение его поведения в конкретной социальной ситуации. М.Вебер, к примеру, рассматривал стиль жизни как критерий социальной стратификации общества. Социальный статус всегда был связан со специфическим стилем жизни, к которому относятся потребление определенной одежды, мебели, напитков, автомобилей и т.п., считающихся характерными для специфической статусной группы. Социальные статусные группы используют формы потребления как средство определения своего ранга и обособления себя от других. Это касается всех статусных групп, пользующихся определенными знаками для обособления себя от других. Тип жилья, тип предметов длительного пользования — все эти аспекты процесса потребления могут служить знаками различия между статусными группами. Естественное желание индивида повысить собственный социальный статус обуславливает приобщение к тем или иным формам потребления, досуга, культурных практик, а это, в свою очередь, солидаризирует индивида с социальной группой, в которую он стремится попасть.

По мнению Н.Паниной, в стабильном обществе стили жизни (то есть реальные модели образа жизни) членов общности регулирует ценностно-нормативная система как непосредственно — через ролевые экспектации в отношении поведения людей с разными социальными статусами, так и опосредованно — формируя сознание (ценностные ориентации, установки, жизненные цели, то есть идеальные модели образа жизни, позволяющие мысленно подготовиться к успешному выполнению социальных ролей). В нестабильном обществе, где ценностно-нормативная система разрушается и возникает состояние аномии, стили жизни обусловлены прежде всего особенностями индивидуального сознания. Решающую роль приобретает аффективный, когнитивный и моральный потенциал индивидуальных особенностей сознания и поведения людей, жизнедеятельность которых осуществляется в дезорганизованном обществе. Ведь в условиях нарушения обычного механизма адаптации детерминация стилей жизни происходит не путем приспособления к социальным нормам, а на основе индивидуальных ценностных предпочтений и ценностных ориентаций, что и является, собственно, почвой для кристаллизации новой ценностно-нормативной системы общества. Важной характеристикой социального статуса в условиях общественных преобразований является неопределенность. В поисках основных ценностей наблюдается частая смена критериев социального статуса. При фактическом отсутствии нормативной регуляции образа жизни принципиальным моментом стиля жизни становится неустойчивость. В свою очередь, ценностные ориентации людей, как правило, определяются их общим психическим состоянием, социальным самочувствием и психическим здоровьем.

С другой стороны, направленность ценностных ориентаций индивида также зависит от удовлетворения материальных и психологических потребностей. Исследования Р.Инглхарта свидетельствуют о том, что социально-экономическая ситуация влияет на ценности, а те, в свою очередь, определяют характер стиля жизни.

Таким образом, проблематика стиля жизни связана с вопросом: чем обусловлены реальные образцы поведения — сознательным выбором личности, подсознательным социально-психологическим влиянием или социальным конформизмом?

В результате общественной трансформации, сопровождающейся социально-экономическим кризисом, формирование новой ценностно-нормативной системы, приобретающей черты “потребительской”, сопровождается созданием новых символических конструкций, которые отчасти разрушили отношения доминирования прежнего советского общества и заложили фундамент для создания новой системы доминирования в схеме стратификации. В частности, СМИ, реклама систематически корректировали массовое сознание на интериоризацию структурных и идеологических императивов рыночной, коммерциализированной экономики.

Существует мнение, что реклама переводит такой важный социальный процесс, как субъективизация социальной стратификации, из сферы материального производства в сферу потребления. Вместо доступа к обладанию средствами производства предлагается доступ к потреблению. Индивидуальное самоутверждение происходит не в трудовой деятельности, а через потребление товаров, то есть иерархия классовых отношений постепенно вытесняется иерархией потребляемых товаров. Позиция на социальной лестнице определяется типом “престижных товаров”, которые человек может купить. При таком подходе вертикальная мобильность рассматривается как процесс движения снизу вверх по ступеням престижных товаров и услуг. Престижные товары и услуги в большей степени, чем принадлежность к высшему классу, служат указателем стратификационного продвижения. Принадлежность к высшему классу предполагает престижное потребление, его атрибуты становятся определяющими в социальной стратификации. Высказываются предположения, что стилевые различия в будущем будут определять социальную стратификацию и приведут к появлению неосословного общества.

Таким образом, потребность в выживании приводит к практикованию новых, вынужденных социальных действий, направленных не на накопление или сохранение финансовых ресурсов, а на немедленное потребление товаров и услуг. Новые, потребительские практики усиливают противоречия между объективными условиями принадлежности к социальному классу и субъективным мнением людей о своем месте в социальной структуре. Различия между способностью разных людей приобретать и потреблять товары объясняют и оправдывают существующее различие в статусах. Продуцируется социальная ценность успеха, позволяющая человеку почувствовать себя значимым, потребляя те или иные товары. Поскольку противоречие между ожиданием и реальностью угрожает самооценке индивида, для его психологического комфорта существующие правила игры в обществе должны приобрести нормативные черты. Таким образом, новые стили жизни, основанные на доминировании потребления, становятся безальтернативными, а это и есть обретение легитимности. Образы и представления о социальной стратификации, сформированные в ходе усвоения новых стилей жизни, выполняют функцию легитимации рыночного общества. Поэтому использование категории “стиль жизни” может помочь нам понять некоторые парадоксальные феномены постсоветского периода.

## Стиль жизни пожилых людей



**РИММА АНУФРИЕВА**, кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Как известно, понятие “стиль жизни” характеризует устойчивые, повторяющиеся социальные связи личности в разных сферах ее жизнедеятельности: социальной, политической, культурной, духовной, повседневной, образующие формализованную и неформализованную структуру, центром которой является сама личность. И хотя проблематика стиля жизни не нова для отечественной науки, это не уменьшает ее актуальности и значимости в условиях современного украинского общества. Различные аспекты проблемы стиля жизни активно разрабатывались еще в 1970–1980-е

годы, однако позже не получили широкого распространения, тогда как в работах западных ученых (Гидденс, Бурдьё, Тоффлер и др.) они остаются актуальными.

Понятие “стиль жизни” соотносится с понятием “образ жизни”, которое характеризует определенный срез, или аспект системы “общество”. Сопоставление понятий “образ жизни” и “стиль жизни” указывает на то, что образ жизни отражает социальные принципы организации способов жизнедеятельности субъекта, а понятие “стиль жизни” в определенной мере воспроизводит типы жизнедеятельности, возможные в пределах данных социальных принципов и норм организации жизни личности. На процесс создания личностного стиля жизни влияют культурные и субкультурные факторы, а также личностный опыт. Роли, выполняемые человеком, отношения, в которые он вступает в процессе трудовой деятельности, выбор, который он делает в различных сферах жизнедеятельности, формируют стиль его жизни. Он создает собственный стиль жизни из спектра поведенческих форм, предлагаемых обществом, отдельными его институтами, средствами массовой информации. Таким образом, отметим, что понятие “стиль жизни” и стоящая за ним реальность связаны с активной деятельностной сущностью жизни человека, с той стороной его жизнедеятельности, которая является результатом волеизъявления, с тем аспектом поведения, который раскрывает черты характера личности.

Стиль жизни отражает не единственный способ или форму жизнедеятельности, а устойчивые, повторяющиеся шаблоны, определенный “почерк” поведения личности. Эти способы поведения суть проявления типичных личностных черт, свойств характера. Вместе с тем следует подчеркнуть, что существует не только индивидуальный стиль жизни, но и стиль жизни группы, определенного множества людей, придерживающихся общих, единых способов жизнедеятельности. Стиль жизни — это не единичное явление, а распространенные, массовые формы и способы жизнедеятельности людей. И в этом случае необходимо обратить внимание на тот факт, что понятие “стиль жизни” не тождественно понятию “стиль жизни индивидуальности”, или индивидуальному стилю жизни. Под последним понимают единство общих, повторяющихся, особых, уникальных способов и форм жизнедеятельности конкретного индивида. В своем выступлении я буду использовать понятие стиля жизни как группового феномена применительно к конкретному слою, категории людей. В центре внимания будут находиться особенности жизнедеятельности людей пожилого возраста в сфере труда, быта, досуга, ценностных ориентаций и т.п.

Значительное влияние на формирование стилей жизни разных слоев населения оказывают социокультурные факторы, создающие особую ситуацию развития общества, к которой должны приспосабливаться социальные субъекты. Это “приспособление”, выработка новых стилевых характеристик поведения имеет свои отличия, присущие различным возрастным группам. Так, старшее поколение, люди пожилого возраста образуют специфическую социально-демографическую группу, численность которой постоянно возрастает практически во всех странах, что является устойчивой тенденцией развития человеческой цивилизации. Этой группе свойственны значительные особенности приспособления к новым условиям существования, выработки определенных форм поведения в разных сферах жизнедеятельности. Невозможность в связи с приобретением статуса пенсионера реализовать себя в обычной сфере — сфере труда — приводит к смене ритма жизни, а отсюда и к изменениям в представлениях о смысле жизни, выполняющим компенсаторную роль и коррелирующим с уровнем социальной адаптации пенсионеров.

Старшее поколение, люди преклонного возраста под влиянием различных социокультурных факторов — информационных возможностей, устоявшихся взглядов на жизнь — в основном остаются носителями и “пропагандистами” традиционных черт устойчивого стиля жизни, традиционных культурных ценностей. Так называемое информационное неравенство, присущее разным слоям населения и возрастным группам, безусловно, сильнее всего ударяет по старшему поколению. У них, например, самая низкая информированность, компьютерная грамотность, о

чем свидетельствуют данные мониторинговых исследований Института социологии НАН Украины. Так, по результатам мониторинга за 2005 год 97,9% пожилых респондентов никогда не используют компьютер, да и не умеют этого.

В целом стиль жизни людей преклонного возраста характеризует стремление к стабильности, устойчивости и сохранению достигнутого в противовес инициативе и риску. К примеру, на вопрос “Чего Вам не хватает в жизни?” подавляющее большинство пожилых людей ответили — стабильности в государстве и обществе (70,5%), умения жить в новых общественных условиях (45,8%), государственной защиты от падения уровня жизни (80,0%). В планах на будущее у них преобладает стремление к сохранению жизненной ситуации, нежелание существенно менять свой стиль жизни. Отсюда довольно пессимистичной оказывается оценка перспектив дальнейшей жизни — 70,4% отмечают, что им не хватает уверенности в собственном будущем. Пожилым людям недостает и чувства внутреннего удовлетворения — так ответили 54,0% опрошенных. На вопрос мониторинга 2005 года “Что, по-вашему, лучше — терпеть любые материальные трудности ради сохранения в стране порядка, мира и покоя или в случае значительного ухудшения условий жизни выходить на улицу с протестом?” большинство пожилых людей (46,0%) ответили, что лучше терпеть любые материальные трудности, тогда как среди представителей возрастной группы 40–54 года с таким утверждением согласились только 30,9%. Не слишком характерна для пенсионеров и уверенность в том, что ситуация в стране будет улучшаться (49,6%).

Важным аспектом жизнедеятельности людей пенсионного возраста является их взаимодействие не только с ближайшим окружением, но и с обществом в целом. Так, по результатам мониторинга 2005 года, на вопрос о важности общественного признания получены следующие ответы: 49,7% опрошенных признали, что им недостает справедливой оценки заслуг человека перед обществом, доброту и сочувствие со стороны окружающих ощущают 36,1% пожилых людей. Поэтому в борьбе за здоровье и долголетие этой категории людей особое внимание следует уделять проблеме их социальной адаптации, что в широком понимании предполагает приспособление их к обществу — и наоборот, общества к ним. Дефицит контактов с обществом вызывает пессимистические взгляды на нынешнее положение дел, на происходящие в стране преобразования и в целом негативно влияет на их стиль жизни. В общем для преодоления неблагоприятных изменений в разных сферах жизнедеятельности людей пенсионного возраста необходимо улучшать условия их жизни и таким образом способствовать снижению напряжения, имея в виду оптимизацию и интеграцию их в общество, повышение статуса пенсионеров и их общественной активности. Однако повышение активности пожилых людей, продуктивности их жизни зависит не только от ближайшего социального окружения и общества в целом, но и от психологической переориентации их самих в направлении формирования жизненной перспективы и установки на активный образ жизнедеятельности, расширение сферы интересов, круга общения.

## Процесс информатизации как демократизационная составляющая стиля жизни современной молодежи



**НАТАЛЬЯ БОЙКО**, кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Новая информационно-коммуникативная система радикально трансформирует пространство и время, фундаментальные измерения человеческой жизни. Благодаря своим техническим и социальным особенностям Интернет-технологии создают определенные условия и возможности трансформации стиля жизни личности и изменения логики отношений социальных субъектов в современном обществе. Интернет — это качественно новый шаг вперед в развитии масс-медийных технологий,

позволяющий рядовому пользователю самостоятельно составить мнение о разнообразных событиях. Развитие пользования Интернетом — как в мире в целом, так и в Украине — имеет тенденцию к увеличению количества пользователей сети.

Результаты мониторингового исследования по вопросам развития информационных процессов в Украине, проводимого Институтом социологии НАН Украины с 2002 года, фиксируют непрерывное увеличение в исследуемый период количества украинских пользователей Интернета. В 2005 году количество респондентов, указавших, что пользуются услугами Интернета, возросло более чем в 2,5 раза по сравнению с 2002 годом и превышает сегодня 10% граждан Украины. Эти тенденции особенно заметны среди молодых слоев населения страны. Исследование разных возрастных групп украинских пользователей Интернета фиксирует увеличение их количества почти во всех возрастных группах. Но наиболее активным пользователем Интернет-сети остается именно молодежная возрастная группа. Так, в возрастной группе до 25 лет количество пользователей сети в 2004 году увеличилось почти на 10% по сравнению с 2002 годом, что как минимум вдвое превышает темпы роста в других возрастных группах.

Молодые люди гораздо активнее усваивают новейшие информационно-коммуникационные технологии, чем родители, намного быстрее осваиваются в современном мире. Уже в 2002 году Интернетом пользовались около 10% молодых украинцев в возрасте до 35 лет, а в 2005 году количество молодых пользователей Интернета в Украине достигло почти 20%. Среди населения Украины в целом эти показатели составляли соответственно 6% и 10%. Среди молодежи доля “имеющих потребность, но не имеющих возможности пользоваться Интернетом” почти вдвое выше, чем среди населения Украины в целом. Кроме того, анализ динамики увеличения количества пользователей Интернета среди молодежи по сравнению с населением Украины в целом демонстрирует постепенное и весьма существенное уменьшение среди украинской молодежи группы лиц, отмечающих, что “не имеют потребности и никогда не пользуются Интернетом”. В 2005 году этот показатель среди молодежи в возрасте до 35 лет снизился почти на 10%, тогда как среди населения Украины в целом остается почти без изменений в течение всего периода исследования и колеблется на уровне 80–83%. Следует отметить, что молодежь активнее пользуется Интернетом как дома (5,9% против 3,4% среди всего населения Украины), так и на работе (6,3% среди молодежи против 4,0%). Тем более это касается таких мест, как Интернет-кафе, компьютерные клубы и т.п.

Результаты исследования молодежной группы пользователей Интернета, проведенного автором в рамках исследовательской программы “Молодежь Украины: культурные запросы и досуг” (Институт проблем семьи и молодежи, октябрь 2004 года, выборка — 2003 респондента, молодежь в возрасте от 14 до 35 лет), показали, что большинство молодых людей обычно пользуются компьютером у себя дома (43%) или на работе (30%); несколько меньше — в учебных заведениях (25%) и в компьютерных клубах и Интернет-кафе (23%). Меньше всего оказалось тех, кто пользуется компьютером дома у своих друзей, приятелей или родственников (20%). Рассматривая степень интенсивности пользования компьютером среди современной украинской молодежи, заметим, что большинство опрошенных проводит за компьютером около 2 часов в день в будни (27%) и почти 3 часа — в выходные (19%). Количество часов, проведенных за компьютером в выходные, имеет немного больший диапазон, нежели в будни.

Изучение молодежной аудитории выявило, что чаще всего молодые украинцы используют Интернет для поиска информации для обучения/повышения квалификации (49%), для ознакомления с последними новостями (28%), для выполнения профессиональных обязанностей (27%), для поиска информации по вопросам кулинарии, автодела, садоводства, спорта, живописи и т.п. (25%), для передачи сообщений по электронной почте (24%), прослушивания музыки и просмотра фильмов (21%), общения в чатах (18%) или просто блуждают по сети (15%). Реже всего моло-

дежь использует Интернет для участия в форумах и конференциях (4%), прослушивания радиостанций через Интернет (4%), для чтения/переписывания в свою электронную библиотеку художественных книг (5%) и для дополнительного путем создания сайтов на заказ, распространения рекламы и т.п. (5%).

Исследование молодежной аудитории свидетельствует о том, что молодежь Украины обращается к Интернету прежде всего для работы, повышения своего профессионального уровня и поиска новостей, а также для общения и отдыха. Вместе с тем результаты опроса показывают, что украинская молодежь использует возможности Интернета не в полном объеме. Например, такую демократическую возможность общения, как участие в форумах и конференциях в сети Интернет, молодые жители страны используют минимально.

Анализ гражданских и социальных ориентаций и практик молодых пользователей Интернета по результатам мониторинга показал, что они отличаются от молодых жителей Украины, которые “не имеют потребности и никогда не пользуются Интернетом”, а также от “тех, кто имеет такую потребность, но не имеет возможности” — потенциальных пользователей (17,5%). Следует отметить, что представители этих групп отличаются и по своим социально-демографическим характеристикам. Однако я не буду останавливаться на рассмотрении социально-демографических особенностей этих групп. Рассмотрю подробнее их гражданские и социальные ориентации, что, на мой взгляд, демонстрирует специфику группы молодых пользователей Интернета, обуславливает некоторые особенности стиля жизни этой группы молодых граждан Украины.

Рассматривая гражданские установки пользователей Интернета, можно отметить, что позитивное социальное самоощущение определенным образом связано с оценкой своих возможностей в отношении социальных субъектов в обществе, в частности — в отношениях с властью. Заметим, что такие установки являются ведущими в процессе развития полноценного гражданского общества в стране. Реально становление новых социальных отношений в процессе демократизации нашего общества связано с такими аспектами, как общественная активность, социальная интеграция, а также с саморегуляцией, активизацией и действенностью социальных субъектов Украины, с повышением уровня участия граждан в принятии решений на местном уровне и расширением путей влияния общественности на решения власти.

Результаты исследования фиксируют ряд особенностей гражданской активности пользователей Интернета по сравнению с другими группами. Например, в ответах на вопрос, касающийся возможности противостоять принятию правительством Украины решения, посягающего на их законные права и интересы, обнаружилась следующая тенденция — более 20% пользователей Интернета указывают на свою способность влиять на решения правительства Украины, а в группе тех, кто “не имеет потребности и никогда не пользовался Интернетом”, таких всего 7,3%. Большинство представителей последней группы (56,1%) уверены в том, что “ничего не смогли бы сделать” в случае принятия правительством Украины решения, ущемляющего их законные права и интересы. Аналогичные тенденции фиксируются и в отношении оценок возможностей влияния на власть на местном уровне. Вместе с тем в группе пользователей только 26,1% указывают на свою неспособность противодействовать решениям местных властей.

В плане вероятного участия у разного рода митингах и демонстрациях протеста, если таковые будут происходить, распределение ответов респондентов во всех очерченных выше группах оказалось примерно одинаковым и показало наличие среди молодежи трех почти равных групп по данному признаку — около трети респондентов отметили, что “вероятнее всего, будут участвовать в таких акциях” (37,7%), почти столько же уверены, что “скорее всего, не будут этого делать” (36,6%), затруднились с ответом 25,7% представителей всех трех выделенных ране групп.

Вместе с тем в ответах на вопрос относительно вероятного выбора наиболее эффективных и приемлемых мер и средств отстаивания своих прав и интересов предста-

вители рассматриваемых нами групп имеют некоторые различия. Так, молодежь из группы пользователей Интернета и группы “тех, кто имеет такую потребность, но не имеет возможности” (потенциальных пользователей), отдает предпочтение таким средствам, как “законные митинги и демонстрации” (41,2% и 44,3% соответственно), тогда как в группе тех, кто указал, что “не имеет потребности и никогда не пользовался Интернетом”, таких 30%. Кроме того, почти вдвое больше, по сравнению с последней группой (8,6%), в группе пользователей Интернета и потенциальных пользователей оказалось тех, кто в качестве средства борьбы за свои права и интересы выбирает “пикетирование государственных учреждений” (16,0% и 15,1% соответственно).

Молодые люди, указавшие, что “не имеют потребности и никогда не пользовались Интернетом”, оказались более пассивными в выборе мер и средств отстаивания своих прав и интересов и пессимистичными в осознании своей возможности влиять на власть. Вместе с тем пользователи Интернета и потенциальные пользователи больше уверены в оценке необходимости отстаивания своих гражданских прав. Им реже присуще пассивное приспособление к общественным обстоятельствам. По результатам исследования, именно группа пользователей сети оказалась более расположенной к активным действиям в отношениях с властью, к защите своих прав и интересов.

Кроме того, пользователи Интернета более положительно воспринимают изменения в плане демократизации общественной жизни. Демократические характеристики украинского общества для этой группы более явные: по их мнению, за последний год возросли возможности свободного высказывания своих взглядов (32% по сравнению с 27% среди молодежи в целом), получения достоверной информации о событиях в стране и мире (42% и 36% соответственно), защищенность от произвола власти, чиновников (19% и 14% соответственно). Можно предположить, что именно постоянный доступ к сетевым источникам информации расширяет социальную осведомленность молодежи, обеспечивает ознакомление с разными точками зрения на конкретные проблемы и формирование собственной позиции в отношении различных проблем и событий социальной жизни, что способствует позитивному видению ситуации в сфере демократических преобразований.

Подчеркнем также, что среди пользователей Интернета достаточно высок уровень *гражданских, патриотических установок*. Как и остальная молодежь, из разных вариантов ответа на вопрос “Кем Вы себя считаете?” они чаще всего выбирают вариант “гражданином Украины” — 66% (62% в целом среди молодежи). Результаты исследования свидетельствуют также, что молодежь, пользующаяся Интернетом, как правило, склонна гордиться своим украинским гражданством, как и представители других групп (позитивно ответили на вопрос: “В какой мере вы гордитесь или не гордитесь тем, что являетесь гражданином Украины?” 48% группы пользователей Интернета, 55% группы потенциальных пользователей и 49% группы непользователей). К тому же, по результатам опроса, именно среди представителей этой группы самый низкий процент указавших, что не гордятся своим украинским гражданством. Так считают чуть больше 10% пользователей Интернетом. В группе тех, кто “не имеет потребности и никогда не пользовался Интернетом”, 17% отметили, что в той или иной мере не гордятся своим украинским гражданством.

Рассматривая ориентации на социальные достижения пользователей Интернета, можно отметить, что результат анализа социального самочувствия, оценки своего места в современном обществе и перспектив социальной и профессиональной самореализации также оказался более положительным в группе молодых пользователей Интернетом.

Представляя свою активную социальную позицию и установку на социальные достижения, 62,2% молодежи из круга пользователей Интернета соглашаются с мнением, что “людям, жизнь которых не сложилась, просто не хватает настойчивости, силы и воли”; в группе тех, кто “имеет потребность в использовании Интернетом,

но не имеет возможности”, таких 59,4%, а в группе тех, кто “не имеет потребности и никогда не пользовался Интернетом” — 46,3%.

Следует признать, что группа пользователей Интернета чувствует себя в новых условиях общественной жизни гораздо увереннее и оптимистичнее остальной молодежи. Они выше оценивают свои социальные качества, возможности реализовать себя в профессии, обеспечить себе достойный уровень жизни, добиться социального и жизненного успеха.

Существует и ряд особенностей информационно-культурной компетентности пользователей Интернета.

Таким образом, можно утверждать, что гражданские и социальные ориентации и практики группы молодых пользователей сети имеют свою специфику. Это и более высокий уровень демократических установок и общественной активности во многих случаях, и более широкий круг социально-информационных запросов, и более высокий уровень их удовлетворения.

Результаты исследования показывают, что доступ к современным коммуникационным технологиям — это важный социальный ресурс определенных жизненно-стилевых стратегий молодежи, фиксируют возрастание интенсивности использования сети Интернет в современном украинском обществе как позитивный показатель вовлечения новейших технологий в социальный процесс, а также демократизации стиля жизни рядового гражданина Украины.

### **Гедонизация и аскетизация как оппозиция в эволюции современных стилей жизни населения**



**МАКСИМ ПАРАЩЕВИН**, кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Изучение такой составляющей жизни человека, как ее стили, в наше время значительно актуализируется. Это связано, прежде всего, с тем, что одной из главных тенденций современной социальной жизни является ее индивидуализация. Люди не хотят оставаться просто членами определенных социальных общностей, только выполнять приписанные им роли, они пытаются самостоятельно выстраивать свою жизнь.

Обращение к проблеме стилей жизни личности фиксирует их многомерность. Во-первых, нельзя забывать, что принятие какой-либо социальной роли, как и принятие того или иного стиля жизни, обеспечивая личности определенные возможности для проявления себя, своих способностей и индивидуальности, вместе с тем определяет для нее новые рамки. Усвоив тот или иной стиль, человек должен придерживаться его, не выходя за его пределы. То есть стиль жизни — это не только свобода, но и ограничения. Во-вторых, стили жизни формируются как непосредственно самим человеком, так и извне. В какой-то степени человек сознательно определяет, какой стиль ему принимать, как формировать свою повседневную жизнь. Но во многом составляющие этого стиля задаются внешним окружением, в том числе разнообразными экономическими факторами, преследующими при этом свою выгоду (вспомним хотя бы рекламу сигарет, алкогольных и безалкогольных напитков, когда нам не просто предлагают конкретный продукт, а пытаются увязать такое потребление с определенным стилем жизни и личными характеристиками потребителей).

Современным стилям жизни присущ ряд тенденций. В частности, такими тенденциями являются гедонизация и аскетизация.

Гедонизацию будем понимать здесь как стремление к наслаждению жизнью, получение от нее в первую очередь удовольствия. Это связано, прежде всего, с гедонизмом, который в целом свойственен современной западной культуре и собственно культуре потребления. Гедонизм предполагает спрос на удовольствия и смену впечатлений; причем значимым оказывается сам процесс, а не объект удовлетворения.

Такой гедонизм необходим потребительской культуре как воздух. Ведь консьюмеризм требует постоянного воспроизводства потребления. Гедонизация стилей жизни формируется и как сознательный выбор, и под влиянием извне. Для рекламы, кинофильмов, массового сознания характерно представление о том, что по-настоящему живет лишь тот, кто живет в свое удовольствие. Основной лозунг — “следует получать от жизни все, что можно”.

Это состояние трудно принять не только по этическим соображениям. Чрезмерная акцентуация на получение от жизни удовольствия может оказаться весьма опасной и в социальном плане. Жить так может лишь незначительная часть населения, тогда как большинству это недоступно из-за низкого материального положения. Однако навязывание гедонизма направлено на всех. Соответственно, все стремятся к “красивой жизни”, а неспособность реализовать это стремление может привести, с одной стороны, к асоциальному, преступному поведению, а с другой — к разочарованию в жизни, снижению самооценки.

Как противоположную гедонизации тенденцию можно назвать аскетизацию стилей жизни, то есть ограничение своих потребностей неким минимумом. Причем аскетизация может быть как добровольной, так и вынужденной. Безусловно, современная жизнь с ее акцентом на потребление и внешних проявлениях благосостояния у определенной части населения вызывает раздражение, неприятие. Появляются отдельные люди и целые группы, отказывающиеся от потребительской гонки, сознательно ограничивающие свои запросы и потребности. Примерами добровольной аскетизации стиля жизни служат различные андеграундные молодежные объединения и некоторые религиозные секты. Они добровольно отказываются от консьюмеризма, ведут простую жизнь, рассматривая такое самоограничение как ценность, как ту грань, которая отделяет их от “обычной” массы, возносит над толпой. Однако следует помнить, что для значительной части нашего населения аскетизация является вынужденной. Широкие слои и хотели бы активно влиться в ряды потребителей, но не могут этого сделать из-за своего нищенского положения. Здесь аскетизация обусловлена бедностью. Разумеется, возникает вопрос: можно ли к вынужденно аскетической жизни вообще применять понятие стиля? Вопрос этот требует дополнительного изучения.

## Стиль жизни и культурно-досуговые практики



**ЛЮДМИЛА СКОКОВА**, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии культуры и массовой коммуникации Института социологии НАН Украины

В современных исследованиях стиля жизни пользуется популярностью концепция П.Бурдьё. Как известно, его теоретическая система выстраивается вокруг трех центральных понятий: социальное поле, капитал (экономический, культурный в разных его формах, социальный, символический), габитус. В своей работе “Различия. Социальная критика суждения вкуса” (1979), базирующейся на результатах масштабного эмпирического исследования разных сфер культурного потребления, он акцентирует неразрывную связь позиции в социальной структуре и стиля жизни. Бурдьё детально анализирует привычки и вкусы представителей разных социальных слоев Франции: рабочих, служащих, буржуа и т.п. Он показывает, что каждая социальная группа характеризуется своим образом жизни, манерами, мышлением, традиционным питанием и др. Стиль жизни — это система практик, то есть то, что воссоздается в повседневном поведении и определяет позицию человека в социальном пространстве. К стилю жизни относятся практики в разнообразных полях: досуг и потребление, работа и доходы, здоровье, участие в политике, вероисповедание и т.д.

Результаты проведенного Бурдьё исследования показывают, что культурные потребности являются продуктом воспитания, что все виды культурных практик

(посещение музеев, концертов, выставок, чтение, литературные, художественные и музыкальные предпочтения) тесно связаны с уровнем образования и социальным происхождением. Наиболее наглядно эти факторы проявляются в ситуации восприятия и оценки авангардных культурных течений. Условия существования (социальная и экономическая необходимость) и особенности семейной социализации обуславливают так называемый ансамбль практических схем, или габитус — устойчивые диспозиции продуцирования классификационных практик и одновременно диспозиции их восприятия и оценки.

Экономический и культурный капитал можно операционализировать, как это уже делают в эмпирических исследованиях. К примеру, А.Ручка к объективируемому культурному капиталу относит предметы культурного и рекреационного назначения, к инкорпорированному — уровень образования и умение пользоваться компьютером и Интернетом, а институционализированный культурный капитал определяет на основании данных о культурных практиках, ставя своей целью отслеживание дисперсии культурного капитала в украинском обществе.

Российские ученые в исследовании среднего класса построили показатель “экономический капитал” по признакам: доходы, объем сбережений, сумма предметов имущества, сумма престижных предметов; показатель “культурный капитал” — по признакам: количество лет образования, уровень образования, знание английского языка, позиция в структуре занятости. В монографии “Средние классы в России: экономические и социальные стратегии” (2003) показано, что “принадлежность к определенному классу позволяет достаточно хорошо предвидеть вероятность разных стилей жизни. Эта взаимосвязь очень сильна именно в поле досуга”.

В исследовании стиля жизни молодых пользователей Интернета, проведенном мной совместно с Н.Бойко, предполагается, что сама принадлежность к этой позиции является проявлением наличия большего объема экономического и культурного капитала. Это доказывает и анализ социально-демографических показателей данной группы. Так, обобщенный портрет российского интернетника, по данным исследовательской группы “ROMIR Monitoring”, выглядит так: мужчина в возрасте от 18 до 30 лет, имеет высшее, неполное высшее образование или ученую степень, средний или чуть выше среднего уровень дохода, работает по найму в коммерческой или бюджетной организации либо на государственной службе.

Результаты нашего исследования показывают, что социокультурные ориентации и практики как признаки стиля жизни группы молодых пользователей Интернета отличают их по многим параметрам от группы непользователей. Об этом свидетельствует более широкий круг культурно-информационных запросов и более высокий уровень их удовлетворения, лучшая обеспеченность различными социальными благами и более низкий уровень напряженности относительно них, более широкий диапазон культурно-досуговых запросов и объем соответствующих практик, лучшая сбалансированность публичного и частного образцов потребления культуры.

В частности, объем чтения художественной литературы, изучения литературы по специальности среди пользователей сети выше по сравнению с группой молодежи, не пользующейся Интернетом. Представители этой группы чаще слушают музыку (62% по сравнению с 42% среди непользователей), смотрят видеомagneтофон (34% и 21% соответственно). Пользователи Интернета более активны в таких занятиях на досуге, как утренняя гимнастика и физкультура (32% и 21% среди молодежи в целом), бег и оздоровительные прогулки (14% и 8% соответственно). Намного выше и коммуникационная активность, пользование новейшими средствами связи в группе пользователей Интернета. Так, за последние 30 дней перед опросом пользовались мобильным телефоном 78% респондентов этой группы (51% среди всей молодежи), факсом — 8% и 4% соответственно, электронной почтой — 28% и 7%, Интернетом как средством связи — 48% и 11% соответственно.

Пользователи сети чаще посещают библиотеку (18%), кинотеатр (16%), чем молодые люди, не имеющие потребности в Интернете (9% и 4% соответственно).

Аналогичная тенденция прослеживается и в плане посещения театров, концертов, музеев, художественных выставок, где количество посетителей уменьшается от группы пользователей сети (8%) и готовых пользоваться (6%) к группе не имеющих такого желания (3%). Безусловно, эти различия объясняются и такими факторами, как проживание большей части пользователей в крупных городах, а также более высокий уровень образования, более молодой возраст и отсутствие семьи.

Группа пользователей Интернета намного активнее в посещении развлекательных учреждений: 35% посещают рестораны и ночные клубы, 20% — дискотеки, клубы и вечера отдыха. Среди потенциальных пользователей и тех, кто не имеет потребности в доступе к Интернету, эти показатели ниже: 18% и 15% соответственно посещают рестораны и ночные клубы; по 7% — дискотеки и вечера отдыха. Группа пользователей активнее отдыхает на природе (14%), чем две другие группы молодежи (7–8%).

Пользователи Интернета чаще убеждены, что в лучшую сторону за последние 12 месяцев изменились их возможности участвовать в культурной жизни (21% против 14% среди молодежи в целом), а также условия отдыха и досуга (18% и 12% соответственно). Таким образом, в сфере культурно-досуговых практик пользователи Интернета чувствуют себя увереннее: каждому четвертому достаточно возможностей полноценного отдыха во время отпуска (16% среди молодежи в целом), каждому третьему — возможностей проведения досуга (26% среди всей молодежи). О пристойной материальной ситуации группы пользователей Интернета свидетельствуют и потребительские практики, в чем убеждают меньшая напряженность в отношении социальных благ в материально-бытовой сфере (обеспеченность необходимыми продуктами — 61% против 46% среди молодежи в целом; необходимой одеждой — 50% и 40% соответственно; необходимой мебелью — 49% и 32%; хорошим жильем — 38% и 31%; продуктами в соответствии со своими вкусами — 37% и 27%; модной одеждой — 35% и 20%; автомобилем — 19% и 14%).

Наблюдается также культурная дифференциация вкусов в сфере чтения и телепросмотров. Круг чтения (выбор разных литературных жанров) среди групп пользователей и потенциальных пользователей сети шире по сравнению с группой непользователей. Отвечая на вопрос “Каких телепередач Вам недостает на украинском телевидении?” (2003), пользователи в большей мере отдают предпочтение передачам о природе, животных, путешествиях (46% против 24% среди непользователей).

Хотелось бы отметить еще один интересный, на мой взгляд, момент. В концепции Бурдые важное место отведено понятию габитуса. В дефинициях подчеркивается, что это глубоко укорененные, часто недоступные рациональному осмыслению когнитивные и мотивационные системы, или ценностные рамки видения мира и себя в мире. Зафиксировать, “ухватить” габитус в эмпирическом исследовании — весьма сложная задача. По моему мнению, одной из таких попыток можно считать изучение вопроса о желаемом способе, стиле жизни (авторы — Е.Злобина, В.Тихонович) в мониторинге “Украинское общество-2003”.

Анализ данных 2003 года показал, что субъективная ориентация на определенный стиль жизни (“жить так, как живет большинство людей в цивилизованных странах” — 46%; “жить не хуже, чем большинство наших людей” — 23%; “жить по своему усмотрению, иметь свой стиль жизни” — 13,6%; “жизнь человека определяется не его вкусами, а судьбой” — 7%; “жить лучше, чем большинство наших людей” — 6%) может в какой-то мере служить интегральным показателем, что подтверждает и дифференциация стилей потребления культурно-досуговых и рекреационных среди этих групп респондентов по объему и содержательным предпочтениям. Наблюдающиеся различия социокультурных ориентаций и практик этих групп в значительной степени обусловлены социодемографической дифференциацией, различным объемом экономического, культурного, символического капитала и т.п. Однако ориентация на желаемый стиль жизни является, по-видимому, проявлением тех глубоко укорененных схем мышления, приобретенной системы схем восприятия и оценки “возможного” и

“невозможного”, которые порождают вкусы — “вкусы необходимости” и “вкусы роскоши” (П.Бурдьё). Любопытно, что в нашем динамичном обществе трансформаций эта система диспозиций не всегда прямо связана с социальным классом. Так, группа желающих “жить по своему усмотрению, иметь свой стиль жизни” в действительности характеризуется несколько более высоким уровнем капиталов (лучшая материальная ситуация, более высокий уровень образования, урбанизированный тип поселения) и соответственно — большим объемом и более широким диапазоном культурно-досуговых практик, более высоким уровнем культурных запросов. Группа тех, кто претендует “жить лучше, чем большинство наших людей”, напротив, объективно имеет на это меньше оснований (более низкие уровни материальной обеспеченности и образования по сравнению с предыдущей группой). Однако тяга к своему образцу “вкусов роскоши” налицо: доминируют развлекательные практики проведения досуга (современная, а не классическая или народная музыка; рестораны, ночные клубы, а не концерты и театры; кинотеатры, а не выставки и картинные галереи). Считаю, что нужно задействовать эвристический потенциал операционального подхода в исследовании стилей жизни в украинском обществе.

## Стиль жизни и жизненное кредо личности



**МАРИЯ КАЛАЙТАН**, аспирантка Института социологии НАН Украины

В последнее время в социологии все более распространенным становится мнение о том, что классические социологические теории, рассматривая личность в основном как объект социальных процессов, часто игнорируют ее субъектное качество. Тогда как новые поиски в области социологии личности ведут именно к признанию и исследованию субъектного начала. Одно из направлений такого исследования связано с изучением особенностей стиля жизни, благодаря которому возникает изменчивость индивидуального выполнения типичных социальных ролей, многообразии представлений, жизненных стремлений, целей, планов, программ. В частности, стиль жизни личности тесно коррелирует с такой личностной структурой, как жизненное кредо; при этом стиль жизни иногда формируется под влиянием сознательно провозглашаемого кредо, которому личность подчиняет всю организацию своей жизнедеятельности; а порой личность вынашивает свое кредо уже тогда, когда более или менее сформирован присущий данному индивиду стиль жизни.

Жизненное кредо личности характеризует человека прежде всего как субъект, как творца собственной жизни.

Собственно слово “кредо” латинского происхождения и на русский язык переводится как “верую”, что замечательно отражает императивный характер этой категории. В католической теософской системе категория “кредо” означает символ веры.

Как научное или околонучное понятие до сих пор “жизненное кредо” употреблялось в основном в гуманитарных науках (особенно в этике). Кроме того, оно довольно часто встречается в словарях по бизнес-лексике как отдельная статья или в составе статей, посвященных мотивации.

В социологическом контексте определение понятия “жизненное кредо личности” можно вывести, обратившись к социологии житнетворчества, и в этом русле рассматривать его как сжатую вербализацию жизненных целей, которой руководствуется индивид в процессе своего житнетворчества.

Понятие “кредо” тесно связано с понятием ценностей, поскольку является своеобразным аксиологическим образованием, квинтэссенцией ценностной системы личности. Соответственно, оно довольно глубоко укоренено в объективном социальном контексте, обуславливающим ценностную систему личности. Большинство

общих справочных изданий (в том числе энциклопедии и толковые словари) прямо связывают кредо личности с ее мировоззрением.

Важна вербальная форма, которую получает кредо личности.

Из многочисленных источников, посвященных проблематике мировоззрения личности, известно, что в системе мировосприятия большую роль играет язык. Рассматривая эти вопросы в контексте проблематики формирования и влияния на поведение личности жизненного кредо, можно выделить два фактора.

Во-первых, язык является средством передачи традиционного опыта. Благодаря языку человек имеет возможность приобщиться к знанию предшествующих поколений, других культур и т.п. Хорошо известна традиция, сохранявшаяся в Европе вплоть до XX века, “заимствования” жизненного кредо из сокровищницы античной культуры. Заметим, что античные выражения, “присваиваемые” представителями европейской культуры, не переводились на родной язык их нынешнего носителя. Даже в XX веке этот обычай продолжал существовать, но в силу оживления культурного обмена и активизации интереса к другим культурам жизненные кредо “античного” или “псевдоантичного” (стилизованные под античный стиль) происхождения подчас уступали место вербализованным максимам человеческого поведения, заимствованными из арабской, восточной и других культур.

Кроме общего культурного наследия можно как строительный материал для своего жизненного кредо использовать опыт, накопленный родителями, близкими родственниками, учителями или “значимыми другими”. Нередко человек принимает жизненное кредо собственной семьи и, соответственно, выстраивает свое поведение.

Жизненное кредо личности играет важную функцию в ее жизнотворчестве, построении и реализации индивидуальных планов и перспектив жизни. Наиболее эффективным механизмом кредо становится тогда, когда оно полностью осознано и человек направляет свою жизнь в этом русле.

Кредо личности играет важную роль в процессе принятия жизненно важных решений. Избрав свое жизненное кредо, в дальнейшем, оказываясь в ситуации выбора, человек может сэкономить интеллектуальные усилия: вместо того, чтобы всякий раз глубоко рефлексировать над ситуацией в поисках решения, он сразу обращается к своей внутренней максиме — жизненному кредо.

Примеры того, как жизненное кредо может направлять поведение личности, приводит Е.Берн в книге “Люди, которые играют в игры”. В его моделях фигурируют одновременно несколько видов жизненного кредо (“родительские установки”, “футболки” и т.п.), одновременно руководящие поведением человека и иной раз конфликтующие.